

А. С. Пушкину –
220 лет
со дня
рождения

Ольга Иванова

48

Пушкин в Казани

*Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?*

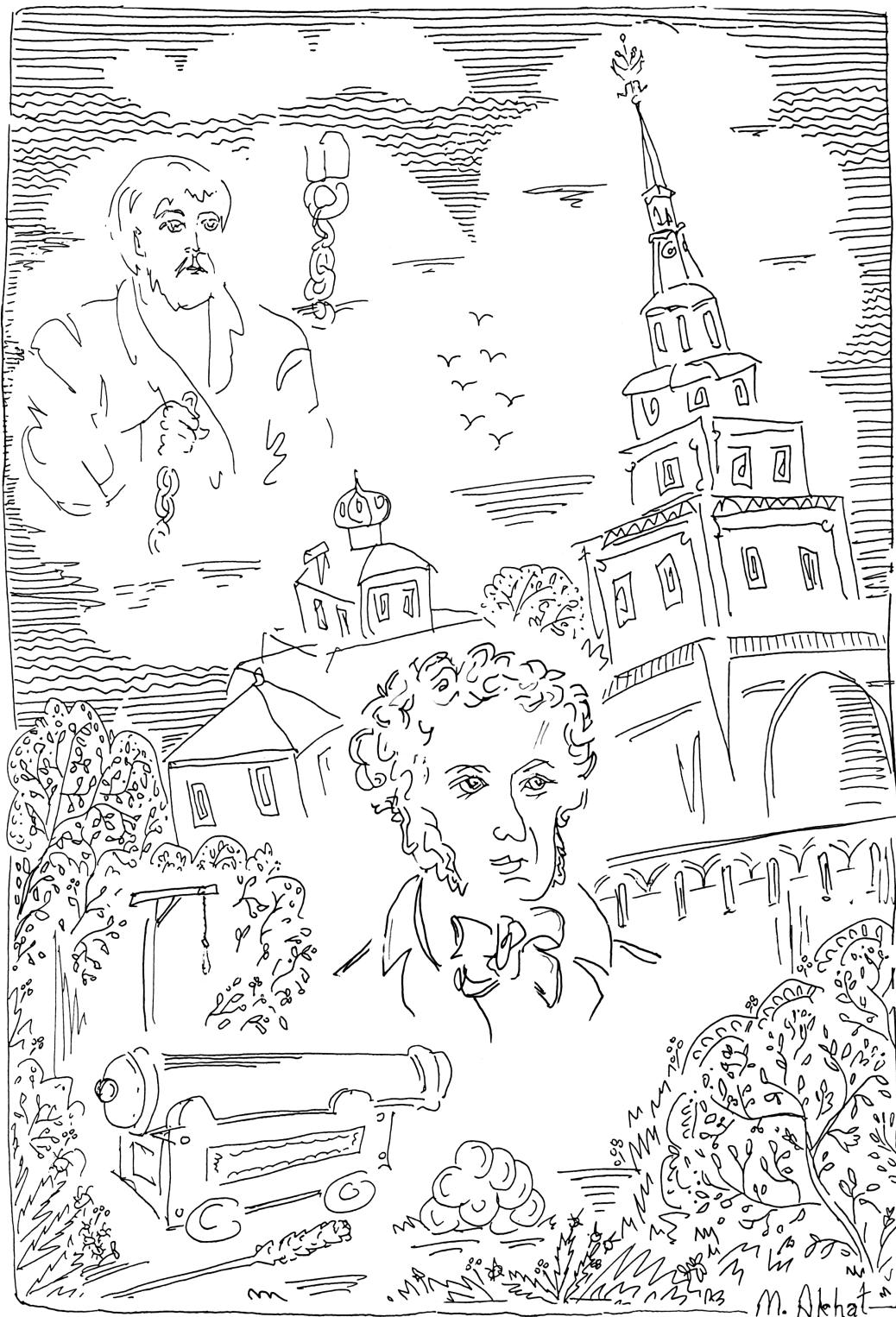
А. С. Пушкин

КАЗАНЬ богата своей историей. Веками копились в глубоких пластах времени отголоски великих событий, предания о людях, оставивших зримый след в памяти человечества. Кто-то из них проживал в городе на Волге долгие годы, а кому-то достаточно было побывать здесь несколько часов, но заставить вспоминать и говорить о своём визите столетия спустя. Несомненно, именно таким событием явилось двухдневное посещение Казани Александром Сергеевичем Пушкиным в сентябре 1833 года.

Каким был великий поэт в тот год? Он ещё счастлив, венчан с прекрасной и бесконечно обожаемой женщиной, подарившей ему дочь и сына. Александр Сергеевич занят любимым делом, но, между тем, семейная и творческая жизнь уже омрачены тягостными для

него великосветскими обязанностями, ненавистой обстановкой под надзором шефа жандармов Бенкендорфа, постоянной нехваткой денег и пристальным вниманием царя к прелестной Натали. Отвлечься от бесконечных неурядиц Пушкин мог лишь глубоким погружением в занятие по душе, такая возможность появилась у него в незабвенную осень.

Любознательностью к истории поэт славился с юных лет, пытливый ум его питался народными сказаниями, старинными напевами и передаваемыми из уст в уста байками о героях просто-народья. Великие цари и завоеватели волновали его разум и будоражили воображение наряду с русскими бунтарями. В пору зрелости Пушкина заняла идея об изложении истории Пугачёва, незаурядная личность которого импо-

нировала Александру Сергеевичу, была близка его собственным душевным порывам. В январе 1833 года он набросал план исторического романа эпохи Пугачёва, но, увлечшись изучением архивных документов, решил переменить первоначальную задумку: «Я думал некогда написать исторический роман, относящийся к времени Пугачёва, но, нашедши множество материалов, я оставил вымысел и написал историю пугачёвщины».

Впрочем, произошло рождение исторической монографии не так быстро. Около трёх месяцев Пушкин штудировал все доступные ему в Петербурге документы по делу царя-самозванца и даже набросал первую редакцию «Истории Пугачёва». Сухих официальных бумаг набралось предостаточно, но, как всякому вдумчивому писателю, ему не хватало «живой» истории, тех изюминок, незаметных другим зацепок, из которых рождается сюжет и появляются новые герои. В среде литераторов он отыскал пару свидетелей грозных событий. В Яицком городке служил в ту пору отец знаменитого баснописца И. А. Крылова. Мальчиком Ваня Крылов проживал в Оренбурге, в его память навсегда врезались осада города, штурмы и голод; дети, по его словам, даже играли в бунт и казни. Писатель И. И. Дмитриев в молодости стал свидетелем казни Пугачёва, Пушкин включил в свой труд неопубликованные автобиографические записки старого литератора. Использовал и его устные рассказы на эту тему, отметив в 1835 году в письме Дмитриеву: «Хроника моя обязана вам яркой и живой страницей...»

Но сколько таких очевидцев и свидетельств могло бы отыскаться в городах, отмеченных шествием войска самозванца! И Пушкин обратился с просьбой к царю Николаю I направить его в Казань и Оренбург для сбора материала в архивах этих двух губерний. Не сразу, но разрешение было получено. Однако отпущено было на это крайне мало времени, так что поэта вынудили постоянно спешить.

Путешествие началось 17 августа 1833 года в Петербурге, откуда Пушкин отправился добывать предания и рассказы очевидцев, которые ещё могли помнить времена Емельяна Пугачёва. Истекло почти 60 лет после народного восстания и, хотя места былых сражений бунтовщиков хранили следы баталий, поэт больше надеялся на людскую память, в которую с кровью и страданиями въелись далёкие события. Казань когда-то встала на пути Пугачёва, в её остроге он был колодником, и Александр Сергеевич наметил город как один из главных пунктов исследования.

До Казани Пушкину следовало преодолеть 1 500 вёрст с небольшим через Москву и Нижний Новгород. И он добрался до границы Казанской губернии утром 4 сентября, а 5-го числа поэт уже проезжал около Свияжска, по тем временам уездного городка-крепости. Уверяют, что городок произвёл на поэта должное впечатление, и будто бы Александр Сергеевич воскликнул: «Именно таким я и представлял остров Буян!» Познакомившись со Свияжском ближе, Пушкин в те времена едва бы отыскал в нём сказочные красоты, но со стороны зелёный остров посреди речной глади и впрямь впечатлял.

В Казань поэт въехал со стороны Ягодной слободы, и сентябрьская непроглядная темень едва ли позволила разглядеть очертания домов, дать хоть какое-то представление о городе с богатой культурой и историей. То, что перед ним цивилизованная губернская столица, в тот момент Пушкин мог судить лишь по торцовой мостовой Адмиралтейской набережной. Копыта лошадей глухо отстукали по деревянному покрытию, подкатив коляску к крыльцу гостиницы Дворянского собрания в Петропавловском переулке (ул. Рахматуллина). Остановился ли Александр Сергеевич именно в этом месте, до конца не доказано, хотя где ещё мог переночевать путешественник, прибывший в Казань, по подсчётам, около 12 часов ночи, как ни в одной из первых гостиниц, лежащих на пути, к тому же вполне приличной.

В городе проживал тесть его близкого друга, поэта Евгения Баратынского, генерал-майор Л. Н. Энгельгардт, к нему на улицу Грузинскую, ныне К. Маркса, поутру 6 сентября и направил стопы прославленный поэт. В доме Энгельгардта Пушкин, к своему удовольствию, застал Баратынского, который находился у тестя проездом, намереваясь отбыть в имение Каймары (Высокогорский район). Заметим однако: некоторые исследователи считают, что поэт встретился с Баратынским в гостинице и там же проживал все два дня.

Служил в Казани и ещё один старый знакомец Александра Сергеевича – генерал-губернатор С. Стрекалов, оставивший о себе неприятные воспоминания по Тифлису, где последний тайно надзирал за опальным поэтом. «С ним так не пошутить», – мог заметить Пушкин, когда поведал другу Баратынскому о недавнем курьёзе в Нижнем Новгороде. В городе, через который лежал путь Александра Сергеевича, тамошний генерал-губернатор Бутурлин принял поэта за ревизора с «секретным предписанием». Подозрение высокого начальника усилилось, когда Пушкин занялся городским архивом. Бутурлин всячески лебезил перед Александром Сергеевичем, опасаясь, что тот узрит все губернские недостатки, и с явным облегчением выпроводил гостя в Казань. А поэт об анекдоте вспоминал не раз и, как утверждают, именно этот случай дал толчок и идею к написанию «Ревизора» молодому литератору Н. В. Гоголю, обладавшему острым сатирическим умом.

Поговаривали даже, что поэт напрямую подсказал Гоголю, как сюжет «Мёртвых душ», так и «Ревизора». Конечно, ни у кого не вызывает сомнения факт обсуждения будущих творений Николая Васильевича с Пушкиным, ведь они сотрудничали в журнале, и Гоголь часто обращался за советом к старшему товарищу по перу. По этому поводу даже известна добродушная фраза Александра Сергеевича, которую Наталья Николаевна передала П. В. Ан-

ненкову: «С этим малороссом надо быть осторожнее, он обирает меня так, что и кричать нельзя». Касаемо самого сюжета, то такому талантливому писателю, как Гоголь, достаточно было лёгкой зацепки, упоминания о нижегородском анекдоте, чтобы родилась задумка, а там и весь сюжет комедии.

В Казани с её губернатором Стрекаловым представиться таинственным незнакомцем не было никакой возможности, да и цели поэт преследовал совсем иные. В этих местах народный герой и бунтовщик Пугачёв погулял основательно, и именно здесь Александр Сергеевич надеялся отыскать интересный материал в среде простонародья, потому как казанские архивы сгорели в пожаре.

Мог ли увлечённый исследователь, имевший ясную цель и ради неё предпринявший длительное путешествие, не заняться сразу же делом? Пушкин в поисках очевидцев отправился в Суконную слободу в Горлов кабак, где любили пропустить рюмочку простые рабочие, а после горлопанили свои песни, откуда и пошло название питейного заведения. Здесь поэт оказался неспроста, ему было известно, что рабочие-суконщики, как и местное татарское население, поддерживали лже-государя и направляли к нему делегации, признавая в предводителе бунтовщиков царя Петра Фёдоровича. В кабаке, упомянутом позже в «Истории Пугачёва», Александр Сергеевич отыскал старика-суконщика В. П. Бабина. Сам старик не был свидетелем событий 1774 года, но рассказывал о них со слов родителей. Видимо, эти рассказы повторялись многократно и произвели неизгладимое впечатление, так живописно Бабин описывал происходившее тогда. Старик поведал о взятии города Пугачёвым, о лагере повстанцев, месте установки пушек, о наступлении царских войск и бегстве пугачёвцев в Савиново, Каравеево и на Сухую реку. Особенно подробно рассказывал о расправах над бунтовщиками.

В воображении поэта, должно быть, явственно вставали картины, описываемые Бабиным. Видел он и панику, ко-

торая охватила хозяев города, спешно укрывшихся в стенах Кремля, и гибель на паперти Богородицкого женского монастыря столетнего отставного генерал-майора М. Н. Кудрявцева, которого засекли нагайками, а после ужасные казни бунтовщиков. На Пушкина беседа с суконщиком подействовала, как на золотоискателя щедрая золотая жила, многое он записал дословно: «Вешали за ребро, сажали на кол. Виселицы стояли лет десять после Пугачёва и петли болтались». Казанский исследователь Н. Ф. Калинин отмечал, что в седьмой главе «Истории Пугачёвского бунта» Пушкин на 40 процентов использовал факты из повествования суконщика.

Всё ещё находясь под воздействием услышанного, поэт осмотрел в Суконной слободе одноэтажное здание старой фабрики на углу Мостовой и Георгиевской улиц (Свердлова и Луковского) и исследовал место, где Пугачёв установил пушки для обстрела города, – Шарную Гору (ул. Калинина). Вернувшись в особняк Энгельгардта, Александр Сергеевич до вечера обрабатывал сведения, полученные от Бабина, и списал карандашом два с половиной листа мелким почерком. Он остался вполне доволен результатом первого дня пребывания в Казани и перед сном условился с Евгением Абрамовичем проводить его на следующий день в село Каймары (родовое имение Баратынских).

Утром 7 сентября Евгений Баратынский познакомил Александра Сергеевича со своим давним приятелем, профессором Карлом Фёдоровичем Фуксом, который приехал проводить друга в имение. Скорей всего, известный казанский врач и учёный Карл Фукс, извещённый Баратынским о приезде Пушкина, не упустил возможность свести близкое знакомство с великим поэтом. К тому же зная о цели путешествия гостя, Фукс, страстный исследователь истории Казанского края, хотел поделиться любопытными сведениями из времён Пугачёва. Они действительно оказались полезны и интересны друг

другу и, как отмечала после в воспоминаниях супруга профессора Александра Фукс, в те полчаса успели так хорошо познакомиться, словно давно жили вместе. С Фуксом Александр Сергеевич договорился о встрече вечером. Едва проводив друга Евгения, он пустился в поездку по известным местам Пугачёва, о которых ему, должно быть, поведали профессор, а днём ранее – старик Бабин.

Пушкин тронулся в путь один на дрожках, запряжённых тройкой лошадей. По-видимому, поэт желал, чтобы никто и ничто не отвлекало его от погружения в трагические события, происходившие здесь. В воображении своём он мог беспрепятственно рисовать картины боёв, расположение пушек и войск противников, делая пометки в своих записях с названиями памятных мест. Александр Сергеевич проехал по Арскому полю и Сибирскому тракту, где, как было известно, повстанцы разбили конный легион полковника Николая Толстого. Далее Пушкин двинулся за город к месту ставки бунтовщиков, располагавшемся на крутом левом берегу Казанки, – Троицкой ветряной мельнице купца Л. Ф. Крупенникова. У селения Царицына (Советский район) поэт осмотрел места ожесточённых сражений, которые продолжались три дня. Восстановив таким образом общую картину, Александр Сергеевич вернулся в город с желанием осмотреть одну из главных достопримечательностей Казани – Кремль, потратив на обзор полтора часа.

Казанский Кремль, подвергшийся бунтовщиками обстрелу из пушек, мог заинтересовать поэта ещё по одной занимательной причине. В бытность Петра I обветшалые стены планировалось укрепить и окружить земляными брусстерами. К предполагаемым работам царь привлёк прадеда Пушкина по матери Абрама Петровича Ганнибала – знаменитого «арапа Петра Великого». По ряду причин замыслы так и остались на бумагах, а Кремль – без должных укреплений, и пушки Пугачёва сумели разрушить часть крепостной стены. Следы

смертоносных ядер пыливый глаз исследователя мог разглядеть и сквозь нестойкую побелку, пытавшуюся скрыть раны старого Кремля.

На обед Пушкин отправился ещё к одному старому знакомцу – казанскому поэту, драматургу и публицисту Эрасту Петровичу Перцову (на ул. Профсоюзная). Перцова он знал около десяти лет и хвалил его комедии за тонкий юмор и точную сатиру, и не раз говорил Баратынскому о таланте казанского литератора. Александра Сергеевича в доме Перцова уже дождался Карл Фёдорович Фукс, бывший в приятельских отношениях с Эрастом Петровичем, и ещё несколько гостей.

По воспоминаниям брата Перцова – Платона, Пушкин не ожидал сбора большого общества, так как прежде договаривались лишь о присутствии домашних. Поэт был одет просто и смешался, увидев, как много людей прибыло лицезреть его, он даже хотел неприметно удалиться, но его удалось остановить.

Тут уместно было бы сказать о внешнем виде Александра Сергеевича, каким он предстал в том путешествии, по воспоминаниям В. И. Даля. Одевался он «в сюртук, плотно застёгнутый на все пуговицы, сверху шинель с бархатным воротником и обшлагами, на голове измятая поярковая шляпа. На руках: левой на большом, а правой на указательном по перстню. Ногти на пальцах длинные лопатками». Эти необычно длинные ногти упомянула позже и Александра Андреевна Фукс. Она писала, что при прощании с её мужем Пушкин крепко сжал его руку и оставил следы от ногтей, которые не проходили несколько дней. Вспоминала об этой причуде мужа сама Наталья Николаевна, отмечая, что являлось это не свидетельством неряшливости, а странной для многих прихотью поэта, о которых он сам писал:

Быть можно дельным человеком
И думать о красе ногтей.

(Евгений Онегин)

На период «казанского путешествия» Александр Сергеевич отпустил усы и бороду, что нам, с детства привыкшим к классическим портретам Пушкина, кажется совсем непривычным. В письме жене, отосланном за десять дней до описываемого события, поэт сообщал, что отращивает усы в дорогу. А вот про бороду, которую отпустил в путешествии, Пушкин сообщил уже из Болдина только в конце октября.

К Эрасту Петровичу его гость отправился сразу после поездки по окрестностям и одет, как упоминал Платон Перцов, был вовсе по-домашнему. Но гости, собиравшиеся у «души казанского общества» Эраста, едва ли обратили внимание на внешний вид Пушкина. Его блестящий ум, известность, умение завораживать увлекательной беседой везде находили страстных поклонников, видевших перед собой прежде всего великого поэта. После обеда Пушкин сыграл в шахматы с хозяином дома, а вечером, как и обещался, поехал в Татарскую слободу к Фуксу.

В доме на углу улиц Владимирской и Поперечно-Тихвинской (Кирова и Камала) с нетерпением ожидала их супруга Карла Фёдоровича – Александра Андреевна, приходившаяся племянницей известному широко за Казанской Землёй поэту Гавриилу Каменеву¹. Вместо приветствия она услышала: «Нам не нужно с вами рекомендоваться – музы нас познакомили заочно, а Баратынский – ещё более». Должно быть, Пушкину поведали о литературной деятельности новой знакомой, к тому же при дальнейшем общении он не преминул отметить родство госпожи Фукс с Каменевым. Глядя на портрет поэта, он, по воспоминаниям Александры Андреевны, сказал: «Этот человек достоин уважения. Он первым в России осмелился отступить от классицизма. Мы – русские романтики, должны принести должную дань его памяти: этот человек много бы сделал, ежели

¹ Г. П. Каменев (1773–1803) – русский поэт, прозаик, переводчик, бургомистр Казани.

бы не умер так рано». Во время своего визита Александр Сергеевич так же просил Александру Фукс собрать и прислать ему сведения о дяде, чтобы он смог написать его биографию. (Об интересных родственных корнях Гавриила Каменева, его судьбе и творчестве знакомили читателей рассказ А. Мушинского «Уединённые прогулки по сосновой роще» в «КА» № 13.)

За чаем завязался разговор о Пугачёве и событиях, связанных с пребыванием вождя бунтовщиков в Казани. Карл Фёдорович посетовал на скудные знания по интересующему поэта вопросу, но кое-что сообщил. Из его уст Пушкин услышал предание о некоем пленном немце-пасторе, которому Пугачёв даровал жизнь, вспомнив, как тот когда-то подал ему милостыню. Позже поэт привёл этот случай в «Истории Пугачёва» и в переработанном виде использовал в «Капитанской дочке».

Неизвестно, рассказала ли Александра Андреевна гостю о связи её прадеда по материнской линии с царём-самозванцем. Как описывала она первые часы беседы мужа с прославленным поэтом, «долго не могла прийти в свою тарелку» и не отличилась ни любезностью, ни ловкостью. А ведь было о чём поведать. Дед Каменева, отец его матери, купец Иван Красин являлся доверенным лицом и «первым вельможей» Емельяна Пугачёва. В своём доме Иван Васильевич содержал старообрядческую молельню, куда приходил помолиться предводитель повстанцев, мылся в бане купца и после побега из казанского острога укрывался в потайной пещере на горе позади дома Красина. Разве не за такими сведениями отправился Пушкин в своё путешествие?

А тем временем, исчерпав свои познания, Фукс заинтересовал Александра Сергеевича одним персонажем давних событий. Им был купец первой гильдии Л. Ф. Крупенников, который, будучи юношей, попал в плен к повстанцам, а ныне продолжал проживать в Казани. Тут вновь сказало нетерпение исследователя, напавшего на занимательный

след, и Пушкин в сопровождении Карла Фёдоровича поспешил к престарелому купцу. Разговор занял часа полтора, но, по-видимому, не произвёл того впечатления, какого ожидал поэт. Вдвоём с Фуксом они вернулись к Александре Андреевне, и профессор, вызванный к больному, вынужден был оставить гостя со своей супругой.

Смущённая поэтесса всё ещё не могла взять себя в руки, но Пушкин был так любезен и приветлив, что вскоре хозяйка дома пригласила его в свой кабинет. Она показала Александру Сергеевичу стихи Баратынского, Ознобишина и Языкова, написанные ей, Пушкин их хвалил, особенно последнего. Заставил её прочесть и собственные сочинения. Несовершенная поэзия провинциальной дамы могла вызвать лишь улыбку Пушкина, но он терпеливо выслушал всё и даже кое-что перечёл. Впрочем, Александра Андреевна была не так глупа и тщеславна, в своих воспоминаниях она отметила: «и он, слушая меня, как бы в самом деле хорошего поэта, вероятно, из любезности, несколько раз останавливал моё чтение похвалами». Гость подробно расспросил о семье Александры Андреевны. А после заговорили о современной литературе, «о духе нынешнего времени», об известных писателях – поэт был более чем откровенен, но заметил, что всё сказанное должно остаться между ними. Безусловно, Пушкин не мог не коснуться положения литераторов, закованных в цензурные рамки жандармского режима Николая I. Дав поэту обещание, Александра Фукс не касалась этой темы даже после смерти Александра Сергеевича.

К часам десяти вечера вернулся Карл Фёдорович вместе с Перцовым, и оба с удовольствием поддерживали литературную тему. Сели ужинать, и Пушкин неожиданно заговорил о магнетизме, о воздействии одного человека на другого даже против его воли. Он постоянно обращался к Александре Андреевне и своими примерами о действии магнетизма мужчины на женщину вновь сконфузил её. Она обрадовалась, когда разговор

свернул в другое русло, но это направление оказалось не лучше. Александр Сергеевич выбрал тему о суевериях, духах и предсказаниях, и так горячо и убедительно вступал в спор, что хозяйке показалось странным такое увлечение у блестяще образованного человека. А между тем поэт рассказал о встрече на Невском с гадалкой, предсказавшей несколько вещей, из которых две сбылись. «Теперь надо сбыться третьему», — произнёс Пушкин. Это, третье, было предсказание о неестественной смерти поэта — до чёрной даты января 1837 года оставалось три с половиной года.

После ужина госпожа Фукс услышала очередное интересное откровение, когда Александру Сергеевичу в руки попала книга одного казанского профессора, содержавшего как стихи, так и прозу. С нескрываемой досадой Пушкин воскликнул: «О, эта проза и стихи! Как жалки те поэты, которые начинают писать прозой; признаюсь, ежели бы я не вынужден был обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнул пера в чернильницу...»

Лишь после часа ночи с искренним сожалением поэт расстался с четой Фуков, на рассвете он наметил отъезд. Попрощаться с другом из предсветной мглы примчался Баратынский, и Александр Сергеевич подарил ему на память свой небольшой карандашный портрет, написанный Ж. Вивьеном. Он подвёл итог своего посещения Казани в письме жене, отметив не напрасным посещение этой стороны. Пушкин покидал город, в котором официальные власти предпочли не заметить его двухдневного присутствия. «Казанские губернские ведомости» обошли это событие молчанием. Про материалы, предоставленные Карлом Фуком, поэт позже напишет: «Ему обязан я многими любопытными известиями касательно эпохи и стороны, здесь описанных».

Александра же Андреевна, вставши в пять утра, принялась творить стихи «На проезд А. С. Пушкина через Казань». К восьми часам она отослала их в особняк к Энгельгардту, но знамени-

тый гость уже покинул город, оставив для госпожи Фукс записку. «С сердечной благодарностью посылаю вам мой адрес и надеюсь, что обещание ваше приехать в Петербург не есть одно любезное приветствие. Примите <...> изъявление моей глубокой признательности за ласковый приём путешественнику, которому долго памятно будет минутное его пребывание в Казани».

Она приняла записку за обычную любезность светского человека, ни к чему, впрочем, не обязывающую, но ошиблась. Александр Сергеевич вступил с ней в переписку и даже имел намерение напечатать в «Современнике» её труд этнографа и краеведа, а именно очерк «Поездка из Казани в Нижний Новгород». О намерении печатать этот очерк в журнале упоминается в книге составителя В. В. Кунина «Последний год жизни Пушкина», и там же отмечается, что наряду с «Александром Радищевым» Пушкина, записками Карамзина и стихотворением «Два демона» Тютчева труд Александры Фукс не был пропущен цензорами, видимо, потому, что в нём говорилось о старообрядцах. Почётно, заметим, оказаться в такой компании!

А вот последнее из писем Пушкина к Фуку довольно примечательное по своему содержанию: «Милостивая государыня Александра Андреевна, я столько перед вами виноват, что не осмеливаюсь и оправдываться. <...> Не понимаю, каким образом мой бродяга Емельян Пугачёв не дошёл до Казани, место для него памятное: видимо, шатался по сторонам и загулялся по своей привычке. <...> При сём позвольте <...> препроводить к Вам и билет на получение «Современника», мною издаваемого. Смею ли надеяться, что Вы украсите его когда-нибудь произведениями пера вашего? 20 февраля 1836».

На этом фоне совершенно неестественно выглядит письмо Пушкина к Наталье Николаевне, написанное через неделю после отъезда из Казани: «Я таскался по окрестностям, по полям, по кабакам и попал на вечер к одной blue

stokings¹, сорокалетней, несносной бабе с вощёными зубами и с ногтями в грязи. Она развернула тетрадь и прочла мне стихов с двести, как ни в чём не бывало. Баратынский написал ей стихи и с удивительным бесстыдством расхваливал её красоту и гений. Я так и ждал, что присуждён буду ей написать в Альбом – но Бог помиловал, однако она взяла мой адрес и страшает меня перепиской и приездом в Петербург, с чем тебя и поздравляю...» Эти нелюбезные строки, относящиеся к Александре Андреевне Фукс, можно объяснить лишь одним – ревностью Натальи Николаевны, впрочем, не всегда беспочвенной. А ветреный супруг, по-видимому, усвоил такую манеру, заранее предупреждая семейные сцены известным мужчинам способом, – принижать в глазах жены особу, в которой можно хотя бы намёком увидеть соперницу.

Он отправился далее по намеченному маршруту, продолжая делать короткие пометки в заветной зелёной тетрадке, которая сопровождала поэта в путешествии. Ему, по признанию в последующих письмах с дороги жене, не удавалось ничего написать, но Пушкин переполнялся добытыми сведениями, преданиями, записями песен, вдохновлялся и мечтал поскорей оказаться в Болдине и излить на бумагу то, что рождало воображение, поддержанное солидным историческим багажом.

Одним из его самых лирических приобретений уже после Оренбурга стал рассказ старой казачки Бунтовой, поведавшей трогательную легенду. Так в станице Берды – главной ставке Пугачёва, вспоминали пугачёвцы о матери Стеньки Разина: «В Озёрной старая казачка каждый день бродила над Яиком, клюкою пригребая к берегу плывущие трупы и приговаривая: “Не ты ли, моё дитище? Не ты ли, мой Стёпушка? Не твои ли чёрны кудри свежа вода моет?” И видя лицо незнакомое, тихо отталкивала труп...» Для Пушкина этот плач

казался идеальным эпилогом к поэме о Пугачёве, но цензура сделала своё дело...

Материала набралось много, и в конце 1833 года в Болдине поэт дополнил наброски, сделанные ещё до поездки, и его «История Пугачёва» обрела живость и полноту. Однако Александр Сергеевич отметил в письме Дмитрию, что постарался изложить происшествие, а вот анекдоты, черты местности и прочее отбросил в примечания. Он в первую очередь стремился создать историческую монографию, точно передающую трагические события. Рукопись была прочитана близкому кругу друзей. Н. В. Гоголь был среди них и реагировал бурно: «Это будет единственное в этом роде сочинение. Замечательная очень вся жизнь Пугачёва! Интересу пропасть! Совершенный роман!»

К осени 1834 года «История» была готова полностью и отдана для прочтения самому государю Николаю I, который отнёсся к труду благосклонно, за исключением некоторых оговорок, царь так же собственноручно исправил название на «Историю пугачёвского бунта». По высочайшему повелению государя, книга вышла за казённый счёт и увидела свет в декабре 1834 года. Однако царёвы служаки усердно раздували неприятие высшим светом новой, непривычной для поэта работы, ставили препоны повсюду. Сыграла свою роль и личная вражда Пушкина с С. Уваровым. Этот давний недоброжелатель поэта добился к тому времени чина министра и председателя Главного управления цензуры, сыграв мерзкую роль в судьбе нового произведения, которому Александр Сергеевич отдал столько времени и сил. «Историю Пугачёва» читатели встретили прохладно, и Пушкин записал в те дни в дневнике: «В публике очень бранят моего Пугачёва, а что хуже – не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении. Его клеветет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим цензурным комитетом. Он не соглашается, чтоб я печатал свои сочинения

¹ Английское выражение – «синие чулки».

с одного согласия государя. Царь любит, да псарь не любит».

Между тем критики «Истории пугачёвского бунта» разделились на два лагеря: одни обвиняли литератора в сухости, видимо, ожидая прежнего Пушкина и в историко-исследовательском труде; другие ставили в заслугу то, что Александр Сергеевич оказался не поэтом в истории, сохранил научный стиль и сохранил поистине блистательный подвиг, обратившись к этой теме. Друзья считали, что «История» – лишь проба пера на новом для поэта поприще. И. И. Дмитриев весной 1835 года утешающе писал Александру Сергеевичу: «Сочинение ваше и здесь подверглось разным толкам, довольно смешным, но никогда дельным, одни дивились, как вы смели напомнить о том, что некогда велено было предать забвению – нужды нет, что осталась бы прореха в Русской истории».

Пишет Пушкин и Александре Фукс в ответ на присланные ею стихи: «С жадностью прочёл я прелестные ваши стихотворения и между ними ваше послание ко мне, недостойному поклоннику вашей музыки. В обмен вымыслов, исполненных прелести, ума и чувствительности, надеюсь на днях доставить вам отвратительно ужасную историю Пугачёва. Не браните меня. Поэзия, кажется, для меня иссякла. Я весь в прозе; да ещё какой...»

Чтобы не быть голословным, поэт отправил в Казань два экземпляра «Истории Пугачёва» с дарственными надписями для А. Фукс и М. Рыбушкина, приславшего ему ранее свой двухтомный труд «Краткая история Казани». Экземпляры эти со времен оказались утеряны, но вот в личной библиотеке Пушкина, по свидетельству Р. Бикбулатова, сохранились 19 книг казанских авторов или тех, кто жил раньше в нашем городе.

После неудачи с «Историей Пугачёва» поэт находит в себе мужество и вдохновение продолжить тему пугачёвщины в «Капитанской дочке». Роман рождается в тяжёлое для Пушкина вре-

мя – тучи вокруг поэта и его семьи сгущаются, сплетники шепчутся по углам, связывая воедино Наталью Николаевну с Дантесом, долги растут, недоброжелатели критикуют, объявляя, что поэт превратился в журналиста и редактора, разменяв свой талант. «Капитанская дочка», как один из последних взмахов крыльев гения Пушкина, выходит в «Современнике» в последней декаде 1836 года, за месяц до гибели поэта. Александр Сергеевич не успел услышать восторженные отзывы читателей, они поступили, когда сердце создателя уже перестало биться.

Друзья, которым роман был прочитан в рукописи, отзывались о нём с восхищением. Н. В. Гоголь говорил, что «Капитанская дочка» «произвела всеобщий эффект». Зарубежные издатели, по воспоминаниям А. И. Тургенева, желали перевести произведение, но опасались при переводе утратить всю лёгкость и прелесть, звучащую на русском языке. Об этом романе высказывались ещё долго и на самых высоких уровнях, вот, например, из воспоминаний дочери Николая I – великой княгини Ольги Николаевны: «Мы поглощали его последнее произведение «Капитанскую дочку», которое печаталось в журнале «Современник». <...> «Капитанская дочка», результат его исторических исследований, раскрывает, чем бы он мог стать на этом новом поприще. После Пушкина ни одно имя не может сравниться с его именем».

Таковы были произведения, ради которых 185 лет назад Александр Сергеевич Пушкин предпринял своё путешествие, посетив в том числе и наш город. Казань помнит своего великого гостя, в честь поэта одна из её улиц уже более 100 лет носит его имя. Эту улицу украшает памятник поэту на гранитном постаменте перед театром оперы и балета. Это любимое место сбора всех, кто неравнодушен к волшебству поэзии и, пожалуй, главному чародею поэтических муз – Александру Сергеевичу Пушкину.

Свою долю для увековечения памяти великого поэта внесли и много-

численные исследователи, изучавшие, в том числе и посещение Пушкиным Казани. Имена этих историков, краеведов, писателей и не перечислить! Среди них В. В. Аристов, А. С. Архангельский, Е. Н. Дунаева, М. Н. Елизарова, Ю. Л. Славянский... Но особенно хотелось бы отметить казанского краеведа Николая Фёдоровича Калинина и закончить статью выдержкой из его книги 1942 года выпуска «Пушкин в Казани»:

«Смерть поэта больно ударила и по сердцам казанцев. Насколько они были потрясены вестью о его гибели видно, например, из воспоминаний П. И. Мельникова (Печерского), тогдашнего студента “Отделения словесных наук” местного университета

“В начале февраля 1837 года третий курс словесного факультета в 8 часов утра собрался на лекцию русской словесности. Суровцев, по обыкновению, вошёл в аудиторию во время боя часов. Мы ожидали, что он, как водится, взойдёт, слегка прихрамывая, на кафедру, сядет, оглядит студентов, замечая, кто не пришёл на лекцию, вынет серебряную табакерку, положит её вправо, вынет красный фуляровый платок и положит его налево и начнёт лекцию обычной фразой: “В прошедший раз беседовали мы, государи мои, о том-то”.

Не тут-то было. Григорий Степанович взошёл на кафедру и, не садясь, вынул из кармана газетный листок, помнится, “Русского инвалида”, поднял его кверху

и, окинув быстрым взглядом аудиторию, громко сказал: “Встаньте”. Мы встали, с изумлением глядя на профессора. Дрожавшим от волнения голосом, в котором слышались горькие задушевные слёзы, он прочёл известие всего в несколько строк. Живо помню первые слова его: “Солнце нашей поэзии закатилось – нет более Пушкина”. Аудитория ахнула в один голос, послышались рыдания... Сам профессор сел и, склонив на кафедре седую как серебро голову, горько заплакал... Прошло несколько минут, он встал и сказал: “Князь русских поэтов во гробе. Его тело везут из Петербурга куда-то далеко. Быть может, оно ещё не предано земле. При незакрытом ещё гробе Пушкина как сметь говорить о русской словесности. Лекции не будет...”»

Пушкин же оценивал своё земное предназначение в письме Денису Давыдову при посылке ему «Истории Пугачёвского бунта» весьма скромно:

Тебе певцу, тебе герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смиренного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир...

1836

Однако смею заметить, поэзия, подобно всей художественной литературе, «из моды» до сих пор не вышла, как и Пушкин никоим образом не вышел из нашей повседневной жизни.